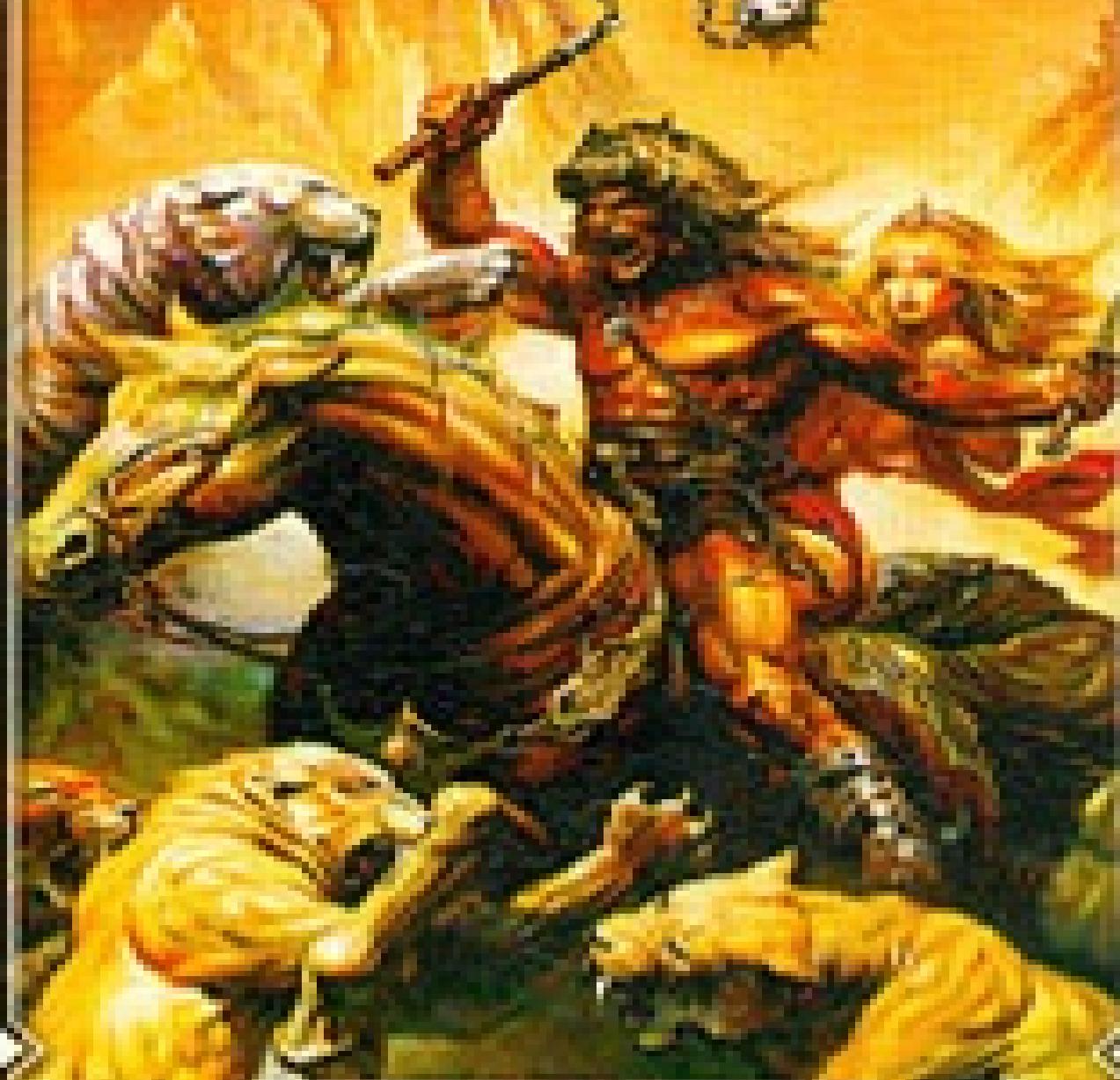


СКАЗКА

КОНАН
И КОПЬЕ
КРОМА



Северо-Запад

Annotation

Повесть рассказывает о событиях предваряющих рождение Великого Героя...

- [Кристина Стайл](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
-

Кристина Стайл

Предсказание

Глава первая

Весна в этом году выдалась ранняя. Солнце быстро согрело землю, растопило снег, пробудило к жизни первую ярко-зеленую траву. Казалось, милость Богов снизошла на Киммерию, обычно унылую и строгую, как неутешная вдова. Теперь же она больше походила на влюбленную девушку, веселую, радостную. Словно животворящие пальцы светозарного Митры, тонкие солнечные лучики пробегали по высоким стройным деревьям, журчащее в ручьях и реках воде, робко выглядывающим на свет божий цветам, касались низких крыш деревенских домов, заглядывали в окна.

Возле самого окна приземистого старого дома за деревянным столом, гладким и белым от частого мытья, сидела молодая миловидная женщина с пышными волосами цвета старой меди. Ее светлые с едва уловимым оттенком зелени глаза задумчиво глядели в даль, а руки с длинными тонкими пальцами быстро перебирали нити, словно жили своей отдельной жизнью.

Над столом из стены торчал аккуратный деревянный крюк, на который были наброшены пучки черных и белых шерстяных ниток, пропущенных через квадратные дощечки с отверстиями в углах. Противоположные концы пучков, связанные шнуром, обивали талию женщины. Дощечки лежали в один ряд на столе. Несколько ловких движений пальцами — и дощечки поворачивались боком. Еще миг — в образовавшийся зев ложилась нитка утка. Стоило женщине резко выпрямиться, и основа натягивалась так туго, что уток исчезал между нитями. Еще движение — и щечки поворачивались снова. Тонкий деревянный нож подправив уток, ложился возле правой руки, как будто двигался сам по себе, а дощечки поворачивались еще раз следующей стороной. Чем быстрее и увереннее бегали по ниткам пальцы, тем красивее и ровнее выглядел полосатый пояс, извивавшийся на столе.

Ткать пояса умели многие женщины этого селения, но таких гладких и широких поясов не получалось ни у кого. Ткать на двух, на шести и даже на восьми дощечках учили своих дочерей многие матери, аправляясь сразу с шестнадцатью и при этом не запутать нити, а расположить их полосками разной ширины или даже составить из них замысловатый узор — это по силам только настоящей мастерице.

— Маев! — донеслось с улицы, и ткачиха вздрогнула от неожиданности. — Маев! Где ты, подруга? Встречай гостей!

Женщина вскочила, ловким движением скинула с себя нити и выбежала на крыльце. Так и есть! Слух не обманул ее. Возле дома стояла молодая хорошенская женщина. Она приветливо улыбалась, и на ее розовых щеках играли веселые ямочки. Нарядная лента стягивала чудесные длинные волосы. Широкое платье не скрывало заметно округлившегося живота. Чуть поодаль, тоже радостно улыбаясь, стоял высокий статный мужчина. На руках он держал прелестную двухлетнюю девочку с такими же глубокими ямочками на пухлых щечках, как и у матери.

— Сайта! — воскликнула хозяйка дома. — Да благословят Боги твое плодовитое чрево. Ты, смотрю, еще одного малыша ждешь. Мальчика хотите?

— Кого пошлют Боги, — отозвался мужчина, опуская ребенка на землю. — Мы все равно на этом не остановимся. Ну, здравствуй, Маев. Вы тут пока поболтайте, а я пойду с Ниуном побеседую. Он в кузнице?

— А где ему еще быть, Релан? — ответила Маев, подхватывая девочку на руки и

прижимая к себе. — Он там разве что не ночует. Отец-то потихоньку отходит от дел. А работы — невпроворот.

Релан быстро зашагал к невысокому строению откуда доносился звонкий перестук молотов. Женщины вошли в дом, и Маев захлопотала, убирая работу со стола. — Как у тебя дела, подруга? — поинтересовалась Санта, тяжело опускаясь на скамью.

Маев остановилась, и на ее лицо набежала тень печали, — Как тебе сказать? — вздохнула она. — Вроде бы все хорошо. Ниун ласков со мной по-прежнему. Отец в нем души не чает. Дом — полная чаша. Но чем-то прогневили Крома. Вот уж три года минуло, как повстречались мы в том страшном лесу, как спасли нас наши мужчины от поганых — ваниров. Три долгих года... — Она снова вздохнула и ласково посмотрела на прижалвшуюся к Санте девочку. — Ты скоро второго ребенка приложишь к груди, я... Не получается у нас ничего.

— Не печалься, — отозвалась Санта. — Я знаю, мне говорили, так тоже бывает. Все у тебя будет хорошо.

— Ладно, — махнула рукой Маев. — Не надо больше об этом. Расскажи, как вы живете.

И Санта принялась рассказывать. За то время, что подруги не виделись, случилось многое. Релан стал хорошим мастером-лодочником. Старый мастер, Вокнан, любил, как родного сына, и с удовольствием открывал все секреты. Но этой зимой старик захворал, начал поговаривать о том, что на Серых Равнинах скучают по нему родные, и, не дождавшись весны, отправился к ним, Теперь, кроме Релана, лодочников в округе не осталось. Вот сейчас он закончил очередной заказ, который начинал еще с Вокнаном, и они с Сантой решили навестить друзей, а то вскоре появится малыш, и никуда уж будет не выбраться.

— Так вы погостите у нас несколько дней? — встрепенулась Маев.

— Конечно.

— Что же я, глупая, стою? Путь вы проделали неблизкий. Устали, наверное? Я сейчас накрою на стол. Такой пир закатим! Я-то, как чувствовала, тесто подготовила. Да и пива наварила. Ты отдохтай, я одна управлюсь.

За хлопотами время побежало быстро, и не успела Маев оглянуться, как солнце уже прошло по небу больше поло вины пути. Но уж и дел она переделала немало, а угощение получилось таким, что и у сытого человека потекли бы слюнки от этих одуряющих ароматов. Многое умели руки хорошей хозяйки иправлялись со всем ловко и проворно. На большом выскобленном да отмытом столе как по волшебству возникала посуда, наполненная едой и питьем.

На круглых открытых пирогах истекала соком свеже-запеченная рыба, дымилась каша, щедро политая маслом, сквозь потрескавшуюся корочку проглядывали розовые полоски жареного мяса, густой травяной запах исходил от мясной же похлебки, словно маленькие солнышки, светились медовые лепешки, сладкий хмельной дух шел от сосудов с медом и чуть горьковатый — от свежесваренного ячменного пива. Варить пиво — это особое умение, и не всякому оно давалось. Маев искренне радовалась, глядя на темную густую жидкость: пиво получилось прекрасным, а это хороший знак, быть удаче.

— Кром всемогущий! — донеслось от порога. — Я сейчас язык проглочу!

В дверном проеме, почти полностью закрыв его своим могучим телом, появился Ниун. За ним, причмокивая от предвкушаемого удовольствия, вошел Релан.

— А где отец? — поинтересовалась Маев. — У меня все готово. Пора к столу.

— Он сейчас придет, — отозвался ее муж. — Ты же знаешь, пока не смоет с себя пот и копоть, никогда есть не сядет.

— Какое там смоет — послышался голос на улице, и на пороге тут же возник высокий седой мужчина с густой сетью морщинок возле светло-голубых глаз. — Такие запахи!.. Сейчас все соседи, забыв о делах, сбегутся.

— Пусть приходят, — весело откликнулась Маев. — Слава Светлым Богам, у нас есть чем накормить гостей.

Все быстро уселись за стол. Маленькая дочка Санты проворно забралась на колени к старику и доверчиво прижалась щекой к его широкой груди. Он осторожно провел большой мозолистой ладонью по детской головке, и его цветущие от времени глаза подозрительно заблестели. «О боги! — подумалось ему. — Доживу ли я до светлых дней, когда смогу покачать на коленях внука? За что вы прогневились на мою дочь? Благословите ее чрево! Услышьте мольбы старика!»

Маев бросила быстрый взгляд на отца, затем на мужа и опустила голову. Все трое сейчас думали об одном. Трижды с тех пор, как сыграла в этом доме веселую свадьбу, ложился на землю снег, и каждый день начинала и заканчивала Маев обращением к Богам. У нее была лишь одна просьба — даровать ей дитя. Но Боги отвернулись от нее и оставались глухи к молитвам. Молодая женщина даже пошла на маленькую хитрость: она соткала себе пояс, в который вплела узор, дарующий плодородие, и с тех пор носила его постоянно. Скоро уж минет месяц. Если уж и это не поможет, решила Маев, придется собираться в дорогу: в полудне пути от деревни в глухом лесу жил колдун. Может, он сумеет помочь? Правда, ходили слухи, что он груб и неприветлив... Ничего, все можно перетерпеть, лишь бы прижать к груди, разбухшей от теплого молока, маленький родной комочек — свою плоть, свою кровинушку.

Женщина решительно тряхнула головой, отгоняя тяжелые мысли. В конце концов, сегодня праздник: в доме друзья. Им с Ниуном повезло. В суровой стране Киммерии люди сдержаны и скучны на чувства. Неприветливый гористый край благоволит воинам, приучает беречь душевное тепло лишь для самых близких. И немало были бы удивлены пылающие ненавистью гиперборейцы или боязливые аквилонцы, почитающие горцев едва ли не дикими, алчными: до крови псами, доведись им увидеть киммерийцев такими. Но подобная честь не для чужаков. Их удел — страх перед грозным, не знающим пощады соседом!

Впрочем, и между собой киммерийцы зачастую не отличались ни особой приветливостью, ни разговорчивостью. Даже девушки, казалось бы, дружившие с детства, стоило им выйти замуж, почти переставали общаться между собой, а при коротких встречах говорили о хозяйстве, детях, изредка об охотничьих и военных добычах нужен. А вот у Маев и Ниуна была верные друзья — Релан и Санта. То ли пережитые вместе опасности сблизили их, то ли было меж ними некое духовное родство — об этом никто не задумывался. Просто они всегда были рады встрече и скучали, если долго не виделись.

Теплое и доброе чувство заполнило душу молодой женщины, и собственная беда показалась не такой страшной и непоправимой. Она светло улыбнулась, и на лицах друзей и родных зажглись ответные улыбки.

Вечер прошел в спокойных беседах, добрых и страшных воспоминаниях, говорили о знакомых, делились задумками на будущее. Незаметно подошла ночь, и все улеглись спать. Стоило Маев юркнуть под одеяло, сотканное ее же умелыми руками из козьей шерсти, как она мгновенно заснула. Привиделся ей удивительный сон. Раннее утро. День обещает быть

теплым и сухим. По высокому ярко-голубому небу плывут облака. Маев стоит возле дома и пристально вглядывается вдаль, туда, где темнеет лес. Вдруг из леса выходят олениха с олененком, волчица с волчонком и медведица с медвежонком. Звери направляются прямо к Маев, подходят, трутся ей об ноги, тычутся мордами в ладони. Она звонко смеется. Ей отчего-то легко и радостно. Детеныши играют друг с другом. Маев тоже хочется побегать с ними, но взрослые звери почему-то не пускают ее. Они садятся рядом и взглядами приглашают женщину к себе. Вот так они и сидят все вместе, с умилением глядя на детские игры.

Неожиданно Маев пробудилась, но, перевернувшись на другой бок, тут же заснула снова.

На сей раз ей приснилось, что стала она большой-большой, такой, что, если бы захотела, смогла бы обнять весь мир. Именно обнять, ибо сердце ее было полно любви ко всему живому.

Наутро, проснувшись, она сказала мужу:

— Знаешь, мне сегодня такие сны странные снились—

— Ты вчера устала, милая, — снисходительно улыбнулся Ниун, — вот и спала беспокойно.

— Да нет, мне почему-то кажется, что это были хорошие сны.

— Я не мастер сны разгадывать. Расскажи о них Сайте. Вы, женщины, больше знаете об этом.

Санта, выслушав Маев, пожала плечами:

— Не знаю, подруга. Но думаю, это сны добрые. Ты ведь чувствовала любовь и нежность, да?

— Да. Мне было так хорошо! И звери... Они словно хотели сказать что-то, только я не поняла.

— Все равно это к добру. Верь моему слову. Они еще поболтали о снах, хороших и дурных предчувствиях, колдунах и зناхарках... Впрочем, разве можно упомянуть и назвать все, о чем могли болтать женщины, особенно когда они давно не виделись?

День прошел так быстро, как будто и не начинался. Назавтра друзья собирались покинуть гостеприимный кров, и потому все засиделись допоздна. Маев готовила им припасы в дорогу, Санта сидела с ней, а мужчины, серьезно и сосредоточенно поглощая темное пиво, обсуждали какие-то свои дела, совершенно неинтересные женщинам.

Ложась спать, Маев надеялась снова увидеть какие-нибудь сны, но ночь укутала ее в свое темное покрывало так плотно, что ни одно сновидение не пробилось сквозь него. Что предвещали сны, привидевшиеся накануне, так и осталось для молодой женщины тайной. Тонкий лучик поднявшегося над лесом солнца пощекотал длинные пушистые ресницы, и Маев сразу же открыла глаза.

Не привыкшая подолгу валяться в постели, она резко села, но, даже не успев коснуться босыми ступнями пола, мгновенно легла обратно: резкий приступ тошноты сдавил ей горло, перед глазами все поплыло.

— Ниун, — шепнула Маев, нащупывая руку мужа. — Ниун...

— Что случилось? — тут же пробудился муж,

— Мне плохо. Я заболела. Не могу даже сесть. В глазах темно.

— Отец! Санта! Релан — завопил Ниун, вскакивая с постели. — Помогите же кто-нибудь! Маев плохо!

Санта, путаясь в наспех накинутом широком платье рванулась к подруге:

— Что с тобой, милая?

— Не знаю. Голова кругом вдет. И тошнит... Так мутит, сил нет...

Санта медленно опустилась на колена возле ложа Маев обняла подругу, прижалась щекой к ее щеке, и Маев почувствовала, как к ее губам медленно потекла маленькая солевая капелька.

— Ты плачешь, Санта? Я умру?

Санта выпрямилась и, не вытирая слез, окинула всех счастливым взглядом, а затем повернулась к подруге:

— Выживешь. Эта болезнь пройдет. К зиме пройдет. Или чуть позже.

— Ты хочешь сказать... — приподнялась ва локте Маев.

— Да. С моей девочкой было так же. Правда, на сей раз все иначе... Выпей воды.

Тошнота отступит.

Ниун медленно опустился на лавку, словно силы разом покинули его.

— Маев... — выдохнул он и замолчал. Голос не повиновался ему. Он поиском глазами старика, и увидел, что тот плачет, не скрывая слез.

Глава вторая

Прошло чуть больше двух месяцев, и Маев уже нисколько не сомневалась, что ждет ребенка. Она научилась справляться с утренними приступами тошноты, которые мучили ее все реже и реже, и целыми днями порхала, как птичка, прыгающая с ветки на ветку. Все у нее получалось, все ладилось. Мужчины, правда, пытались освободить ее от домашних дел, но, отведав того, что ее старый отец самостоятельно приготовил на обед и несколько смело назвал едой, Маев решительно отказалась от какой бы то ни было опеки.

— Сколько женщин рожает детей, и я ни разу не видела, чтобы кто-то вместо них занимался хозяйством, — сердито заявила она. — Во мне полно сил, я ничуть не устаю. И больше даже слышать не хочу, как вы уговариваете меня отдохнуть! Вот Санта со своей девочкой не лежала с утра до вечера, потому и дочка у нее получилась резвая и веселая.

— Так то дочка. Им бы, пичугам, все щебетать. А сын должен быть серьезным, — возразил Ниун.

— Почему серьезным? — вмешался будущий дед, — Мой внук обязательно будет озорником.

— Что вы все заладили: сын, внук! — воскликнула Маев. — Санта ведь сказала, что со своей девочкой чувствовала себя так же. Или от дочки и внучки вы отказываетесь?

— Как ты могла такое подумать! — вскричал Ниун. Он быстро заходил по комнате, но вдруг резко остановился, вздохнул и осторожно спросил: — Однако почему обязательно девочка? Разве может кто-нибудь заранее знать это?

— Когда ты еще не родилась, — вдруг вспомнил стариk, — одна женщина, что жила на противоположном краю нашей деревни, сразу сказала твоей матери, что у нее будет девочка. Значит, это можно как-то узнать. Сходила бы ты дочка, к ней. Хотя она уже очень стара... Старость — очень странная штука. Она может принести мудрость, но может и вообще лишить рассудка. Но попытаться стоит.

— Хорошо, — согласилась Маев. — Завтра же и схожу.

— А почему завтра? — забеспокоился Ниун. — Ты уже почти со всеми делами управилась. Сходи сегодня.

— Нет, — возразила Маев. — Нельзя идти с пустыми руками к людям, к которым обращаешься с просьбой. Я почти закончила новый пояс. Вот доделаю его и отнесу в подарок.

Как только Маев вплела в красивый пояс с четким геометрическим рисунком, означающим здоровье и долголетие, последнюю нить, так сразу же поспешила в дом, где надеялась найти ответ на столь интересующий ее вопрос. Едва сдерживаясь, чтобы не побежать, молодая женщина устремилась на противоположный край деревни и вскоре увидела маленький домишко, почти вросший в землю, Маев осторожно постучала, но ей никто не ответил. Она постучала снова. Тишина. Постояв немного, она совсем уж собралась уходить, но, собравшись с духом, решительно шагнула к покосившейся двери и толкнула ее. Дверь медленно с пронзительным скрипом отворилась.

В комнате было темно и удивительно грязно. Густая паутина висела по углам, повсюду лежала пыль, на почерневшем от времени и копоти столе валялись засохшие кусочки того, что было когда-то едой, скорее всего, лепешкой.

Возле стены стояло ложе, на котором высилась груда остро пахнувших шкур.

Неожиданно груда зашевелилась, и Маев невольно вздрогнула, увидев, как оттуда показалась сухая сморщенная рука. Рука, мелко-мелко дрожавшая, отодвинула шкуру, и непрошеннная гостья наконец-то увидела хозяйку дома.

Седые нечесаные космы торчали в разные стороны, не скрывая, однако, напоминающего сущеный гриб лица. На нем двумя светло-голубыми точками горели глаза, над которыми пучками торчали брови. Острый длинный нос украшала огромная волосатая бородавка, рот, в котором э не было ни единого зуба, походил на узкую щель, а подбородок, вздернутый вверх, казалось, стремился коснуться кончика носа.

Старуха медленно села и опустила на пол большие ступни с кривыми пальцами, налезающими друг на друга. Она сощурилась, взглядываясь в лицо гостьи, и вдруг заговорила неожиданно гулким басом, отчаянно при этом шепелявя:

— Что ты делаешь в моем доме, великий воин? Вижу, принарядился: солнце так и играет на твоем медном шлеме.

Ты, видно, опять пришел просить моей руки? Но разве ты забыл мои слова? Я никогда не буду твоей женой. Мне другой по сердцу. — Она склонила голову к плечу, сразу став похожей на полуошпаренную птицу, и добавила: — и добавила: — И свадьба скоро у нас.

Маев изумилась так, что слова застряли у нее в горле. Старуха сердито топнула ногой, подняв облако пыли, и вдруг тоненько захихикала, прикрывая рот рукой, а затем жалобно запричитала:

— Матушка родимая, почто разбудила свое дитятко в такую рань? Еще даже солнце не встало. Я вчера так умаялась! И лепешек напекла, и пива наварила. Не будь строга к своей деточке, дай поспать еще немного...

Маев, будто внезапно проснувшись, резко повернулась и о бросилась от несчастной старухи, которую, похоже, давно покинули остатки разума. Отбежав как можно дальше, словно опасаясь, что полоумная ведьма погонится за ней, молодая женщина вдруг остановилась. Она внезапно подумала, что если старуха умела как-то определять пол будущего ребенка, значит, есть какие-то четкие признаки и их может знать либо симпатичная веселая бабулька, которая всегда приходила принимать роды, либо женщины, которые уже имеют нескольких детей, причем и мальчиков, и девочек.

Порадовавшись собственной сообразительности Маев направилась к дому повитухи, двери которого всегда были гостеприимно открыты. Хозяйка дома встретила ее как и всех встречала, приветливо и пригласила войти.

— Я жду ребенка, — с порога заявила Маев, — и принесла тебе подарок. — С этими словами она протянула повитухе пояс.

— За подарок спасибо, — важно кивнула повитуха, — Но, — добавила она, окинув взглядом стройную фигуру гостьи, — мае кажется, ты поторопилась. Ко мне обращаться еще рано.

Маев слегка смущилась, но все же ответила:

— Я пришла спросить... В общем, не знаешь ли ты... Можешь ли ты еще до того, как ребенок появится на свет, сказать, кто это будет?

— Ах, вот в чем дело! — заулыбалась бабка, показывая редкие зубы. — Что ж, можно попробовать. Сними свой пояс и подойди поближе.

Маев, страшно волнуясь, шагнула к повитухе. Та быстрыми и уверенными движениями пощупала уже начинаящую набухать грудь, оттянула ворот платья, заглянула внутрь, деловито постучала пальцем по одному соску, потом по другому.

— Соски-то у тебя разного цвета. Такие и были? Или что-то изменилось?
— Не знаю, — прошептала Маев. — А что это значит?
— Погоди. Не торопись. Не так это просто — угадать, кто прячется в твоем чреве, — суроно ответила бабка и вновь принялась осматривать гостью.

Она положила обе ладони с длинными узловатыми пальцами на талию будущей матери, отошла от нее на расстояние вытянутой руки и задумалась, прикусив губу. Потом провела рукой по одному боку, удовлетворенно кивнула, затем по другому — и удивленно подняла бровь.

Маев молчала, боясь задавать вопросы. А повитуха, как назло, все ходила и ходила вокруг нее, то поглаживая, то похлопывая, то прикладывая ухо к ее животу и с одной, и другой стороны. Наконец она еще раз потрогала упругие соски Маев и решительно заявила:

— По всем признакам, которые мне известны, у тебя двойня. Мальчик и девочка.
Лицо молодой женщины озарилось счастьем.

— Спасибо тебе, добрая бабушка! Я сделаю еще один подарок для тебя. Спасибо. Живи долго.

— И тебе спасибо на добром слове, милая. Не надо мне больше подарков сейчас. Потом подаришь, когда я помогу твоим деткам выйти на свет. Главное — не забудь позвать. Хотя тут близко — всегда поспею.

— Конечно, не забуду. А сейчас побегу, обрадую мужа и отца.
— Беги, беги, милая. Они уж, наверное, заждались.

Торопясь донести до своих мужчин добрую весть, Маев поспешила домой. С раскрасневшимися от быстрой ходьбы щеками, запыхавшаяся, она влетела в кузницу и, стараясь перекричать стук молота, громко крикнула:

— Ниун! Отец! У меня будет двойня! Мальчик и девочка!

Ниун медленно опустил молот, и на суровом лице расцвела блаженная улыбка, а старый кузнец уронил в чан с водой раскаленную поковку, которую держал щипцами, и воскликнул:

— Я же говорил, что старость — удивительная штука! И все же мудрость сопровождает ее чаще!

— Что ты, отец, — возразила Маев. — Эта старая ведьма совершенно безумна. Она напугала меня до полусмерти.

— Так откуда ты знаешь про двойню?

— От повитухи.

— Ну, она тоже давно уже не невеста, — пробормотал стариик, но дочь, не слушая его, продолжала:

— Ну да ладно, я побегу. Дел-то у меня теперь прибавится. Надо подумать о пеленках и одеяльцах для двоих детей!

Она радостно засмеялась и упорхнула.

— Вот это славная весть, отец, — заговорил молчавший до этого Ниун.

— Знаешь, сынок, — отозвался стариик — Ты, пожалуй, поработаешь тут без меня. Я уже стар, и проку от меня никакого. Но когда-то давно, еще мальчишкой, я ловко плел корзинки и вязал сети. Почему бы мне теперь не заняться колыбелью для внуков?

— Как скажешь, отец.

— Вот завтра и приступлю. Маев! Вот проказница, уже убежала.

Маев, едва сдерживаясь, чтобы не запрыгать на одной ножке от переполнявшего ее восторга, спешила к дому. Ей хотелось громко кричать о своем счастье, и поэтому, когда

впереди показалась крупная, высокая женщина, тяжело ступавшая по земле, словно каменное изваяние, Маев тут же окликнула ее:

— Твила! Погоди!

Женщина остановилась, поправила волосы, убрав со лба черную с проседью прядь, и поинтересовалась:

— Что случилось, Маев? Ты сияешь так, словно сам Кром заказал твоему мужу меч.

— У меня будут мальчик и девочка! — выпалила Маев.

— Конечно, будут, — спокойно кивнула Твила. — Сначала девочка, потом мальчик.

Или наоборот. — Она пристально взглянула на Маев. — Нет, не наоборот. Сначала девочка.

— С чего это ты взяла? — забеспокоилась Маев. — Повитуха сказала, что будет двойня.

— Повитуха? — фыркнула Твила. — Да, у нее чудесные руки, и нужные заклинания она знает назубок. Шесть детей приняла она у меня, и все роды были легкими. Но ни разу она не сумела правильно угадать, кто родится!

— Чего же теперь делать? — сникла Маев. — Мне так хочется знать, кого я ношу под сердцем.

— Тебя мутит по утрам?

— Немного.

— А соски в цвете изменились?

— Кажется, только один.

— Живот уже округлился?

— Совсем чуть-чуть, почти нет.

— У тебя будет девочка! Можешь не сомневаться, у меня самой их три.

— Ты уверена, что девочка? И одна?

— Если не веришь мне, пошли к Данге. У нее тоже шестеро.

Данга в отличие от Твилы была маленькой и очень изящной.

Если бы не мелкие морщинки возле глаз и губ, ее вполне можно было бы принять за девушку на выданье. Она внимательно выслушала обеих женщин и начала задавать вопросы:

— Тебя мутит по утрам?

Маев кивнула.

— Соски в цвете изменились?

— Один.

— Живот уже округлился?

— Чуть-чуть.

— Какие могут быть сомнения! — воскликнула Данга, — Конечно же, мальчик.

— Мальчик? — в один голос переспросили Твила и Маев.

— А кто же еще! И уж точно один. У меня-то три раза мальчики рождались. Уж я знаю.

Маев растерянно взглянула на Твилу, но та уже не обращала на нее никакого внимания. Уперев огромные, как у молотобойца, руки в бока не менее впечатляющих размеров, она свирепо глядела на Дангу и сердито сопела. Потом открыла рот, глубоко вздохнула и сказала, как топором махнула:

— Девочка.

Данга сначала даже не поняла, в чем дело, но, смекнув, что подруга оспаривает ее мнение, подскочила к ней и, задрав голову, выпалила:

— Мальчик!

Маев переводила полный изумления взгляд с одной на другую, но ссорившиеся женщины ее уже не видели. Еще миг — и они вцепились друг другу в волосы.

— Мальчик!

— Девочка!

— Дура!

— Сама дура!

На крики сбежались соседи, но никто и не собирался разнимать дерущихся, все, наоборот, только подзадоривали их. Маев выбралась из толпы и понуро побрела домой.

Вечером она все рассказала своим мужчинам. Сначала оба огорчились, но, когда Маев дошла до драки Твилы и Данги, Ниун захотел так, что даже слезы брызнули из его глаз. Его смех оказался настолько заразительным, что вскоре Маев с отцом присоединились к нему. Когда все немного успокоились, старик сказал:

— Неподалеку от деревни, как вы знаете, живет колдун. Разное говорят о нем, но я за всю жизнь не встречал ни одного человека, которому он сделал бы зло. Попробуйте поговорить с ним. Если он, конечно, захочет. Маев вопросительно посмотрела на мужа. Тот кивнул:

— Пойдем. Но не завтра. Я через несколько дней закончу заказ и двинемся.

Глава третья

Старый колдун, последняя надежда Маев и Ниуна, жил в глухом лесу и никогда не появлялся в окрестных деревнях, ибо всячески избегал общения с людьми. За долгие годы, которые он провел в своем, лесном жилище, он отвык от людей и очень не любил, когда кто-то нарушал его одиночество. Жизнь его была трудной и бесконечно длинной. Если бы его спросили, когда, он родился, старый Покран не ответил бы на этот вопрос: просто потому, что не помнил.

Когда-то давно, когда он был еще совсем мальчишкой, едва начинавшим познавать окружающий его мир, Покрана похитили враги и продали в рабство. Мальчик был непокорным, и хозяин поспешил избавиться от него, предложив своего раба заезжему торговцу за очень малые деньги. Но и второго хозяина не устроил буйный нрав мальчика, и он еще раз продал Покрана. Так, постепенно взрослея, он переходил из рук в руки, пока не оказался далеко на юге, в Иранистане. За эти годы он мало чему успел научиться, хотя прожил уже почти двадцать лет, ибо нигде подолгу не задерживался.

Правда, он освоил грамоту и мог свободно болтать на нескольких языках, так как от природы был смышленым и внимательным.

В Иранистане он бежал, и его приютил старый колдун, которого привлекли необычные синие глаза юноши, умные,

Колдун оказался добрым и покладистым человеком, и Покран, никогда прежде не видевший ни заботы, ни ласки привязался к старику. Колдун в молодые годы был сильным магом, но к старости совершенно перестал использовать могучую магию, так как боялся, приведя в движение мощные силы, причинить боль чему бы то ни было живому. Он увлекся собиранием трав, врачеванием, мог заговорить боль, вызвать дождь — в общем, колдовал потихоньку, стараясь никому не навредить.

Своего приемыша он успел обучить очень многому, но при этом не уставал повторять, что людей надо любить и что свою силу необходимо использовать только для того, чтобы снимать боль, а ни в коем случае не мажить ее.

Покран прожил у старого колдуна почти десять лет и искренне горевал, когда человек, заменивший ему и отца, и мать, отправился на Серые Равнины. Горе его было столь искренним и глубоким, что он даже не смог остаться в доме, где прожил лучшие годы своей жизни. Покран вспомнил, что его родина — далекая Киммерия, и решил вернуться туда, чтобы использовать свои знания для блага своих собратьев.

Однако ему еще не скоро было суждено попасть домой, ибо в Заморе он встретил женщину, которая показалась ему воплощением самой красоты и святости. Покран женился и прожил светло и счастливо со своей избранницей почти пять лет, пока однажды не обнаружил, что его сокровище все эти годы изменяло ему с человеком, которого Покран считал своим другом. Он покинул дом, где ему нанесли столь жестокий удар, и отправился в Киммерию. Женщин с тех пор он и презирал, и ненавидел одновременно и жалел только об одном: жена так и не родила ему детей, которых он, безусловно, взял бы с собой.

Добравшись наконец-то до родных гор и лесов, Покран попытался предложить соотечественникам свое искусство, но киммерийцы всегда настороженно относились ко всякой магии и старались держаться подальше от колдунов. Он походил из деревни в деревню, нигде не встречая доброго отношения, и в конце концов решил поселиться в лесу.

Сам построил себе дом, своими руками сделал мебель, научился кое-как охотиться. Постепенно люди, видя, что колдун никому не делает зла, стали время от времени обращаться к нему с разными просьбами и приносили в подарок то рыбу, то лепешки, то пиво. Будь его воля, он не пустил на порог никого, но слова старого учителя глубоко запали в его душу, и он ни за что на свете не согласился бы память единственного человека, любившего его когда-то.

Времени для размышлений у Покрала было более чем достаточно, и он углубился в изучение старинных книг, которые захватил с собой, когда покидал дом своего приемного отца. Чем больше он постигал высшую магию, тем понимал, как был прав старик-учитель. Человек — существо хрупкое и беззащитное, и Светлые Боги мало чем помочь ему в противостоянии Силам Зла. Поэтому т, кто может пробудить эти Силы, должен любить людей, иначе уничтожит все человечество и погубит себя. Однажды, когда Покран листал пожелтевшие от времени страницы, сквозь них неожиданно пропустило какое-то изображение. Щуря подслеповатые уже глаза, старик сумел рассмотреть могучего воина с тяжелым мечом в руках, едущего поединок с огромным демоном. Покран вздрогнул, и видение тут же исчезло, но то, что он увидел, наполнило его душу радостью, ибо это был знак: должен появиться в человеческом роду герой, который не убоится демонов и сможет противостоять им.

С тех пор прошло много лет, а Покран все ждал и ждал какого-то знака, предчувствия, озарения — чего угодно, что подскажет ему: свершилось! Но ничего подобного не происходило, силы постепенно покидали немощное тело, и старик почти перестал надеяться. Лишь иногда, сидя на пороге своего покосившегося дома и обратив взор к небу, он вопрошал Крома, когда он благословит чье-то чрево, чтобы оно явило миру великого воина. Тогда, как считал Покран, он сможет с легким сердцем отправляться на Серые Равнины, зная, что Силы Добра поддерживают непобедимое оружие, что по земле ходит человек, который сумеет защитить своих собратьев, который не побоится выступить против Зла, сразится с ним и обязательно победит.

И вот совсем недавно надежды старого колдуна ожили снова. Он увидел во сне своего приемного отца, который сказал ему всего несколько слов: «Жди. Скоро». Покрану хотелось задать своему учителю множество вопросов, но старческий сон короток, и сколько ни силился колдун, заснуть так и не смог, и образ учителя больше не явился ему. Тогда он поднялся с ложа и вновь принял листать старые книги, пока наконец не нашел в них то, что искал. Теперь он знал, что делать, когда наступит время.

Глава четвертая

Маев терпеливо ждала, когда Ниун закончит заказ и можно будет отправиться к колдунау за ответом на мучивший ее вопрос. Однако ожидание не растягивало, как обычно, время. Дни летели быстро, заполненные неотложными делами по дому. Лето было в самой разгаре, а когда же еще думать о долгой и суровой зиме, как не жарким коротким летом?

В лесу появились ягоды, и Маев каждый день ходила собирать их. Киммерийские женщины всегда заготавливали на зиму лесные ягоды, чтобы зимой иметь и еду, и лакомство, и лекарство от всяких хворей. Из ягод варили варенье, добавляя в него мед диких пчел, мочили их, сушили и даже засаливали. Чуть позже пойдут грибы, и опять дел у женщин прибавится: собрать, почистить, засушить, посолить. Зато потом, когда в дверь начнет стучаться холодная выюга, можно достать из кадушки целенький грибочек, и в дом ненадолго вернется лето, повеет теплом, а сильный грибной дух приятно защекочет ноздри, поднимая, настроение.

К заготовкам на зиму все относились серьезно, ибо, когда землю покрывал толстый слой снега, Киммерия оказывалась отрезанной от остального мира, и если поленился летом, придется идти к соседям с протянутой рукой. Они, конечно же, в беде не оставят, но про их уважение уже можно будет навсегда забыть: беспечных людей здесь всегда презирали.

Вот и крутились женщины с утра до вечера. Много продуктов надо припасти: и мяса насушить, и рыбы навялить и засолить, и ячмень собрать да муку из него изготовить, чтобы всегда на столе был свежий хлеб, да и на каши крупы оставить. Хлеб выпекали круглым и плоским с дырочкой посередине: так его удобнее было хранить. Хлеб надевали на тщательно оструганные палочки и прикрепляли их к жердям, специально прибитым над потолком. Так он не мялся, не крошился, не портился. А засохнет — невелика беда, можно размочить сухарик да съесть с удовольствием или, собрав крошки, залить их водой, добавить сало и подержать на огне, да и подавать на стол горячую хлебную похлебку.

А рыбку заготовить — это даже не всякая хозяйка умела. Казалось бы, чего проще — подвесил ее на солнышке, она и завялилась. Ан нет! Разогреет солнце рыбий жир, и пропал весь улов, стгнил. Надо специальное местечко приготовить, чтобы тень там всегда была, да ветерок рыбку обдувал. И вычистить ее надо старательно, сил не пожалеть, а хочешь, чтобы подольше она сохранилась, вымочи сначала в соленой воде.

И посолить ее непросто. Опять же почистить, солью внутри просыпать, кадушку из хорошего дерева подготовить да уложить в нее рыбку ровными рядами, одну к одной. Но и это еще не все. Постоит она так — и пойдет от нее тяжелый дух. Чтобы не было этого, надо траву особую собрать да и прикрыть ею рыбку, а сверху еще и камушком прижать. Тогда получится угощение на славу! Хочешь — так ешь, хочешь — суп вари. У хорошей хозяйки соленая рыба, взятая за хвост и поднятая вверх головой, столбиком стоит, не гнется.

Хоть и осталась Маев без матери рано, но все умели ее проворные руки. Не пропадет ее семейство зимой, всегда на столе еда будет, да и соседям, если понадобится, сумеют помочь. Хорошие это хлопоты — заготовки делать, да и время быстро летит, и думать о грустном некогда. Так и пробежали две недели, и Маев даже слегка удивилась, когда однажды вечером Ниун сказал ей:

— Собирайся. Завтра отправляемся.

Наутро, взяв с собой немного медовых лепешек, связку вяленой рыбы да хорошенъского

беленъского козленка в колдуну, они тронулись в путь. Сердце Маев учащенно билось, ноги, казалось, сами торопились поскорее преодолеть не такое уж и большое расстояние — всего полпути, а может, даже и поменьше. Солнце еще стояло над головой, когда на опушке леса показался невысокий кривой домик с открытой нараспашку дверью. Маев с Ниуном приблизились, и Ниун крикнул:

— Ты дома, отец?

На пороге тут же возник невысокий старишок, сутулый, ерошенный, держащий в сухих руках тяжелый посох с круглым набалдашником. Старик окинул гостей долгим взглядом, помолчал, пожевав губу, и наконец буркнул, обращаясь к мужчине:

— Чего притащился? Дома делать нечего? И бабу зачем-то с собой приволок... Бабское дело — хозяйство вести да детей рожать, а не по лесам шляться.

Маев, конечно, знала, что старики грубы и неприветливы, но все-таки не ожидала такого приема. Она смущалась, но все же попыталась ответить:

— Понимаешь, дедушка...

— Тоже мне, внучка нашлась! — перебил ее Покран. — Тебя вообще никто не спрашивает. Я с мужем твоим говорю, вот он пусть и отвечает.

— Отец, позоволь войти в дом. У нас к тебе дело. Мы тебе подарки принесли. Вот, возьми, — сказал Ниун, протягивая старику козленка и сумку с гостинцами.

— Козла на землю поставь, сумку сюда давай, — распорядился Покран. Потом, подумав, сменил гнев на милость: — Ладно уж, заходите. Не жди твоя баба мальчика, на порог бы ее не пустил.

— Мальчика? — задохнулась от удивления и восторга Маев.

— Она у тебя что, совсем дура? — мрачно спросил Покран у Ниуна. — Я же сказал, баба должна молчать и слушать, что говорят мужчины.

Ниун с превеликим удовольствием схватил бы старого грубияна за шиворот и тряхнул бы хорошенько, но он боялся, что колдун тут же испустит дух, а кроме того, они пришли сюда по делу и, видимо, придется терпеть, пока старики не ответят на все вопросы. Поэтому он молча кивнул, и они с Маев вошли в дом, похожий на что угодно, только не на человеческое жилище. Всюду лежала пыль, с потолка плотными гроздьями свисала паутина, утрамбованный слой земли на полу говорил о том, что пол в этом доме никогда не ныли.

И только две стены в комнате сияли чистотой. На одной из них висело всевозможное старинное оружие, а на другой были сделаны полки, уставленные массивными книгами в кожаных переплетах. В середине комнаты стоял стол, на котором в величайшем беспорядке располагались чашечки, плошечки, миски, мешочки с травами, пакетики с какими-то порошками, сосуды с разными жидкостями.

Пока гости рассматривали дом, хозяин уселся на лавку и уставиля на них не по-стариковски яркими глазами. Тонкие губы старика изгибаались в едва уловимой улыбке. Он явно был чем-то очень доволен, но старательно скрывал причину своего хорошего настроения. Ниун решил, что все дело в подарках, которыми они угодили Покрану.

— Понимаешь, отец, — заговорил Ниун. — Моя жена ждет ребенка. И нам очень хотелось бы узнать, мальчик это или девочка. Ты можешь нам помочь?

— Что с вами поделаешь? — отозвался старики. — Раз уж мужчина бросил все дела и притащился в такую даль, придется помочь.

Он повернулся к Маев, окинул ее изучающим взглядом, потом встал, подошел к стене с оружием, снял маленький тонкий кинжал и шагнул к женщине. Она вздрогнула и невольно

отшатнулась,

— Боишься? — захихикал Покран. — Ничего я с тобой не сделаю. Мне нужна лишь крохотная прядка твоих волос и несколько капель слюны.

Маев кивнула и распустила свои роскошные волосы. Колдун отделил тонкую прядь и срезал ее кинжалом. Затем он взял одну из плошек, сдул с нее пыль, протер рукавом, положил на нее волосы и что-то забормотал. Когда заклинание закончилось, он поджег прядь, и та вспыхнула ярким пламенем. Пламя погасло, оставив на плошке маленькую горку пепла. Старик повернулся к Маев:

— Подойди, женщина, и плюнь на пепел. Только аккуратней, не испорти мои порошки и травы.

Капелька слюны упала на самую верхушку горки, и на пепле образовался какой-то рисунок. Старик наклонился над ним и опять что-то заговорил вполголоса, потом удовлетворенно кивнул и сказал:

— У тебя родится сын. Но это будет не простой мальчик. Его ждет сложная и необычная судьба.

— Какая судьба? — спросил Ниун. — Ты можешь предсказать судьбу моего сына?

— Могу, — кивнул Покран. — Но не сейчас. Сначала придется поработать тебе.

— Я принесу тебе еще козла.

— Сам ты козел. Не нужен мне твой вонючий скот. Что я буду с ним делать? Ты изготошил мне меч.

— Меч? — удивился Ниун. — Зачем тебе меч, старик? С кем ты собрался воевать?

— У тебя еще меньше мозгов, чем у бабы, — огрызнулся Покран. — Мальчик — будущий воин. Всякий воин — сын Крома, а значит, только с его помощью можно узнать судьбу твоего ребенка. Кром — сам воин, и говорить со мной он будет только через меч.

— Хорошо, — кивнул Ниун. — Через три дня у тебя будет любой меч, какой только пожелаешь. — Засунь свой меч... — начал колдун, но почему-то решил не продолжать.

Мне не нужны твои игрушки. Ты сделаешь мне другой клинок. Он должен быть тонким, узорчатым, резать волос на лету и сгибаться в кольцо.

— Такого оружия не бывает.

— Много ты знаешь! Я дам тебе металл. Из него ты и сделаешь мне клинок. И еще возьмешь у меня травы. Их добавишь, когда начнешь ковать оружие. И не три дня тебе понадобится, а все три месяца.

С этими словами старик подошел к стоявшему возле стены сундуку и попытался открыть его, но крышка не поддалась.

— Старею, — вздохнул Покран. — Подойди сюда, — обратился он к Ниуну, — открой крышку и возьми металл, который лежит в сундуке.

Ниун с некоторым усилием откинула тяжелую крышку и увидел на дне сундука крупный кусок оплавленного металла, совершенно не знакомого ему.

— Что это, отец? Я никогда не видел такого железа.

— И не мог видеть. На земле его нет. Этот металл скинул с небес сам Кром. — Старик немного помолчал, а затем вдруг обратился к Маев: — Женщина, выйди. Мне надо сказать кое-что твоему мужу.

Маев поспешила покинуть этот негостеприимный дом. Она боялась старика, хотя почему-то чувствовала, что он не причинит ей никакого зла, что он вообще не хочет и не может причинять зла.

Когда Маев вышла, Покран обернулся к Ниуну и, хитро сощурив глаза, проговорил:

— Я и без этого представления прекрасно знал, что у тебя родится сын. Но ведь бабы не верят никому на слово. Им зрелище нужно. А этот пепел — он ни о чем не говорит. У тебя будет хороший сын. Достойный. А теперь иди. Работа тебе предстоит трудная. Но ты справишься, я не сомневаюсь. Есть в тебе что-то. Иди. Я устал. Отвык я от людей.

— Спасибо тебе, отец, Я сделаю такой меч, о каком ты говорил.

Маев и Ниун поспешили домой. Они шли молча, и каждый думал о своем. Маев, держа руку на животе, обращалась к своему будущему ребенку: «Мальчик мой, я не знаю точно, когда ты увидишь свет, но я уже люблю тебя. У тебя будут синие, как у отца, глаза и такой же спокойный нрав. Зачем тебе быть воином? Все киммерийские мужчины умеют держать в руках оружие, чтобы защищать своих жен, матерей, детей и стариков. И ты научишься владеть им, конечно. Но лучше бы тебе стать кузнецом, как отец, как деды.

И хорошо бы, чтоб на твою долю выпало как можно меньше битв. Потому что битвы — это кровь, это смерть, это горе. А мне бы хотелось, чтобы ты не испытал горя, чтобы руки твои не лишили жизни, а делали что-то, что украшает ее. Мало ли мы с отцом хлебнули горя? Мало ли бед пришлось нам пережить? Нет, ты будешь счастлив. А потом, когда-нибудь, еще очень нескоро, я возьму на руки внука, твоего сына, и расскажу ему, как мы ждали тебя, как ты родился, каким рос и каким стал умельцем, самым знаменитым, самым, самым.

Ее муж размышлял совсем о другом. «Боюсь, что старый колдун не в своем уме. Где это видано, чтобы меч сворачивался в кольцо? И чтобы был тонким? Он же сразу сломается. Что можно сделать таким клинком? И как изготовить такое оружие? Отец делал настоящие тяжелые киммерийские мечи, и они славно служили нашим воинам. И я вроде мастер неплохой, во и мои клинки не сгибаются и не режут волос. Да и металл он дал какой-то странный. Что с ним делать? Ладно. Если ничего не получится, сделаю ему такое оружие, которое придется ему по нраву, но так, как умею. Еще никто не отказывался от моих мечей».

Они не заметили, как подошли к своему селению. Вот уж впереди показался их дом, возле которого стоял старый кузнец и из-под руки вглядывался в даль. Увидев Маев с Ниуном, старик поспешил им навстречу.

— Ну, что сказал колдун? — обеспокоено спросил он. — Он не прогнал вас?

— Не прогнал, — усмехнулся Ниун, — но радушным такой прием назвать нельзя.

— Да, он грубый человек, — согласился старик, — но не злой. И очень умный. Так что он сказал?

— Мальчик, — улыбнулась Маев.

— Да не простой мальчик, — добавил ее муж. — Колдун сказал, что у нашего сына будет необычная судьба, но, чтобы он смог узнать, какая, я должен сделать ему странный меч. Он и железо мне дал. Говорит, что оно из рук самого Крома. Ничего, справлюсь.

— Тебе помочь? — спросил старик.

— Нет, отец, я должен все сделать сам. Неужели я не осилю какой-то меч?

— Хорошо. Тогда я займусь колыбелью для внука. Сегодня же и отправлюсь собирать прутья. Сплету ему такую замечательную колыбельку, каких вы еще и не видывали.

Глава пятая

Прошло несколько дней. Целые дни напролет Ниун проводил в кузнице. Даже еду Маев носила ему туда. Он стал совсем молчаливым, ни на какие вопросы не отвечал, но по его озабоченному ляпу было ясно, что дела идут плохо и что-то не ладится. Однако Ниун дал себе слово справиться с заказом старого колдуна самостоятельно и поэтому ни к кому не обращался ни за помощью, ни за советами.

Нельзя сказать, что он был расстроенным. Он злился. Злился потому, что железо, которое дал ему Покран, не плавилось. Сколько бы ни держал его в печи кузнец, как ни накалял, железо не становилось мягким, и никакой молот его не брал.

Ниун перепробовал все, что знал и умел, но упрямый металл не хотел подчиняться. Вконец измучившись, Ниун решил-таки изготовить клинок из своего металла и отнести его старику.

Может, колдун просто не знал, какие замечательные мечи умел делать Ниун? Может, он посмотрит на добротный киммерийский клинок и поймет, что именно такой ему и нужен?

Эти мысли немного успокоили кузнеца, и за три дня он сделал такое чудесное оружие, каких еще не выходило из-под его молота. Клинок получился широким, прочным, острым, легко перерубал гвозди, и при этом на нем не оставалось даже зазубрин. Тщательно отделанная рукоять хорошо ложилась в руку. Осмотрев меч и оставшись довольным тем, что сделал, Ниун засобирался в дорогу.

— Почему ты идешь один? — поинтересовалась Маев.

— Если старики скажет, что он доволен клинком, я вернусь за тобой.

Покран встретил кузнеца, как всегда, неприветливо.

— Чего приперся так рано? — злобно спросил он.

— Отец, я принес клинок и хочу, чтобы ты на него посмотрел, — пояснил Ниун, показывая старику меч.

— Чего мне на него смотреть? — пожал плечами колдун. — Что я киммерийских мечей никогда не видел? Меч как меч.

— Может, он тебе подойдет?

— Зачем? Я на войну не собираюсь. Стар уже. Да и в молодости не любил махать оружием. Врачевать — пожалуйста, а драться — это не для меня.

— Для предсказания. Ты ведь говорил, что для предсказания нужен клинок.

— Вот дурак. Я, кажется, объяснял тебе, какой клинок нужен. Ты чего, совсем турица?

— Твое железо не плавится. Я пробовал. Ничего не выходит.

— А уж это не моя забота. Кузнец-то ты, вот ты и думай, если, конечно, есть чем. И не теряй времени. Предсказание должно быть сделано до того, как родится ребенок. Ступай. Ты мне надоел.

С этими словами Покран повернулся к Ниуну спиной и исчез в доме. Кузнец постоял немного, убрал меч в ножны и отправился восвояси. Он понимал, что придется нарушить данное самому себе слово и обратиться за советом к отцу Маев.

Тот уже стар, много видел, много знает, может, слыхал когда-то о чудо-клинке, о котором говорил колдун? Если и он ничем не поможет, придется искать ответа далеко от родных мест. И не только потому, что очень хочется узнать судьбу сына. Но ведь если такие мечи есть на свете, если кто-то делает их, то почему для него, уже опытного кузнеца такая задача

оказалась не по зубам? Нет! Он узнает секрет и изготовит клинок.

Старика Ниун нашел неподалеку от дома. Тот сидел на небольшой полянке, разложив вокруг себя тонкие ветви кустарника, который рос на берегу реки. Прутья были старательно очищены и лежали пучками — самые тонкие отдельно от более толстых.

Прежде чем пустить прутик в дело, старики проверял, достаточно ли он гибкий, и, если прут не ломался, вплетал его, тщательно прижимая один к другому. На коленях старики лежало уже почти готовое донышко колыбели, основу которого составляли толстые длинные ветви, переплетенные более тонкими. Концы толстых прутьев загибались кверху, образуя остов стенки. Сейчас мастер перебирал заготовленные ветки, выискивая наиболее ровные и длинные. Он был так увлечен своим занятием, что не заметил приблизившегося к нему Ниуна и даже вздрогнул, когда тот заговорил:

— Отец, ты можешь ненадолго отложить колыбель и побеседовать со мной? Мне нужен твой совет.

— Конечно, сынок. Я давно жду, когда ты обратишься ко мне. Вижу, что тебя что-то мучает. Но ты молчал, и я не стал вмешиваться.

— Понимаешь, колдун велел мне сделать меч, который можно согнуть в кольцо. И еще он должен резать волос на лету. И клинок у него должен быть узорчатым. Для этого колдун дал мне железо и травы. Но я не могу расплавить его металл. Сколько ни держу его в печи, он все твердый. Не берет его молот, даже не мнет, не то чтобы ковать. Как быть?

Старик задумчиво посмотрел на Ниуна, а затем кивнул:

— Знаю, что ему надо. Слышал я, что далеко на юге, в Иранистане, делают такие клинки. Для них нужно мягкое железо, с которым мы работаем, и твердое, наверное, то, что дал тебе колдун.

Из них выковывают два прута, переплетают их и, добавляя какие-то травы, куют меч. Причем долго куют. Но твердое железо не расплавить в той печи, к которой ты привык. И дело даже не в самой печи, а в угле. Мы берем уголь от дерева, а надо — от камня.

— Как это от камня? Он ведь не горит.

— Не горит. Не знаю, как он получается, но в горах можно найти куски, похожие на насквозь прогоревший камень. Они черные и блестящие. Если ты сумеешь отыскать их и набрать столько, чтобы можно было заполнить печь, то и твердое железо расплавишь.

— А где его искать?

— Где-то в горах. Там, где есть речки. Или ближе к ледникам. Вода иногда размывает скалы и выносит на поверхность уголь, который тебе нужен. Отправляйся в горы. А я пока постараюсь вспомнить все, что знаю об иранистанских клинках. Вернешься — поговорим еще.

Ниун поблагодарил старика и пошел домой — попросить Маев собрать ему припасы в дорогу. Узнав, что мужу придется идти в горы, она забеспокоилась, но возражать не стала, ибо спорить с ним было все равно бесполезно: если он что-то для себя решил, то непременно поступит так, как считает нужным.

Кроме того, Маев прекрасно понимала, что Ниуну просто необходимо сделать этот клинок, иначе он перестанет себя уважать. Поэтому она быстро собрала дорожный мешок и попросила Ниуна:

— Будь осторожен.

Встав на рассвете, Ниун отправился в горы. Он довольно легко пересек лес, раскинувшийся у подножия, потратив на это, однако, почти целый день. Решив не начинать

восхождение на ночь глядя, он заночевал у кромки леса, а утром, наскоро перекусив, двинулся к горам, которые издали казались неприступными. Но разве можно отыскать во всей Киммерии хоть одного мальчишку, который никогда не лазал по скалам?

К самым вершинам поднимались, конечно, не все, но все равно любимым времяпровождением для мальцов было и оставалось обшарить более-менее доступные ущелья, расщелины, скалы, искупаться в горной речке со столь холодной водой, что дыхание останавливалось, а кожа становилась синей, покрытой мелкими пупырышками. Ниун улыбнулся, вспомнив беззаботное детство, и полез наверх. Он внимательно осматривался по сторонам, но как трудно что-то искать, когда толком не представляешь, как оно должно выглядеть! Пока, правда, ничего похожего на, как сказал старик, прогоревшие насквозь камни не попадалось, и Ниун все выше и выше поднимался в горы, пока не достиг перевала.

Он остановился, чтобы перевести дух и осмотреться, и невольное восклицание восторга вырвалось из его груди. Повсюду, куда ни кинь взгляд, простирались увенчанные ледяными шапками, словно драгоценными камнями, горные хребты.

Снег переливался под лучами солнца, искрился, и даже казалось, что пел. Внизу, почти под самыми ногами Ниуна, бежала быстрая речка, которая, будто серебряная нить, отделяла белые хребты от небольшой зеленой долины. Ниун долго стоял, любуясь красотой, пока вдруг его взгляд не наткнулся на россыпь черных камней, видневшуюся неподалеку от реки. Он быстро, не забывая при этом об осторожности, спустился в долину.

Подняв один из камней, кузнец принял рассмотривать его. Очень похоже на уголь, но только необычайно твердый. Может, это и есть то, что он искал? Ниуну очень хотелось верить, что так оно и есть, а к тому же он все равно больше не встретил по пути ничего хоть отдаленно напоминающего эти камни. Недолго думая он раскрыл специально взятый мешок и принял складывать в него свою находку. Набив мешок до отказа, Ниун выпрямился, взвалил тяжелую ношу на плечо и побрел

Любоваться красотами на сей раз он не стал. Все силы ушли на то, чтобы и самому спуститься с гор, и драгоценную поклажу не потерять. Обратный путь занял значительно больше времени, чем подъем, и Ниуну снова пришлось заночевать у кромки леса на месте своей бывшей стоянки. К счастью, никакие звери не беспокоили его, и за ночь он выспался и набрался сил.

Лишь поздно вечером Ниун подошел к своему дому. Его выбежала встречать жена, а следом за ней показался и старик.

— Ну как? Нашел? — спросил он, хотя уже понял, что Ниун вернулся не с пустыми руками.

— Что-то нашел. Посмотри.

Старик достал из мешка несколько камней, повертел их в руках, попробовал разломить и кивнул:

— Это они. Завтра загрузишь печь. Вот увидишь, все получится. Заходи скорее в дом. Маев накроет на стол, а я пока расскажу тебе все, что вспомнил.

Глава шестая

Когда рано утром Маев открыла глаза, Ниуна рядом уже не было: он убежал в кузницу. Ему так не терпелось поскорее приступить к делу, что он едва дождался, когда солнце встанет над горизонтом.

Быстрыми и уверенными движениями Ниун очистил печь от древесного угля и аккуратно выложил ее теми камнями, которые принес с гор. Где-то в глубине душа кузнец сильно сомневался, что камни будут гореть, но когда огонь мгновенно охватил, их, сердце Ниуна заколотилось так быстро, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Прогрев печь, он бережно положил в нее кусок железа, который дал ему старый колдун. Раскалить до цвета солнца, стоящего над пустыней, и остужать до цвета царского пурпур», — так сказал ему вчера отец Маев. Но Ниун никогда не видел пустыни и плохо представлял, какого цвета солнце светит над ней.

Подумав немного, он решил, что солнце — всюду солнце. Какого оно может быть цвета? Золотое. Или бледно-желтое.

Когда металл раскалился настолько, что на него стало больно смотреть, Ниун взял щипцы, вдруг почувствовав, как от волнения подрагивают пальцы, сильным рывком выхватил металл из печи и бросил его на наковальню. Затем он взял молот и резко опустил его на расплавленное железо. И оно поддалось!

Ниуну хотелось петь от радости. Наконец-то он победил упрямую железку! Теперь главное — не забыть на слова, услышанного от старого кузнеца. Сначала он выковал прут на длину будущего клинка, а оставшийся металл отложил в сторону. Из него получится еще один меч. Если Покран говорил правду, и клинок будет обладать всеми свойствами, которые он назвал, то Ниун сделает второй меч — для себя. Или на продажу. Ему, наверное, цены нет.

Затем он раскалил обычное железо, с каким привык работать, и сделал еще один прут. Это заняло совсем мало времени, так как металл показался Ниуну на редкость мягким и податливым. Разогрев оба прута, он ловкими движениями переплел их и снова сунул в печь. Теперь осталось хорошенъко поработать молотом — и чудо-клиник готов.

Напрасно колдун запугивал его трудностями. Да, раскалить твердое железо было очень и очень непросто, но теперь, когда оно наконец-то стало податливым, для опытного мастера остался пустяк. Сколько клинков уже вышло из-под его молота, и еще ни разу никто не пожаловался на оружие, купленное у Ниуна.

Настроение у кузнеца было приподнятое, работа ладилась, он уже почти видел, как изумится старый грубиян, когда поймет, что с его заказом мастер справился так же легко, как с горстью лесных орехов.

Он представлял себе, как слава великого умельца побежит вперед, как эхо по горам, и к нему начнут стекаться люди со всей Киммерии, чтобы получить необыкновенное оружие. И пусть трепещут враги! Новые мечи, которые будет делать Ниун, справятся с их клинками и доспехами, словно с трухлявым деревом...

Ниун все накалял и вновь ковал клинок, накалял и ковал, накалял и ковал... К концу дня ему даже показалось, что на лезвии уже начинает проступать тот самый волнистый узор, о котором говорил колдун. Еще несколько дней работы — и можно пускаться в путь. Вечером старый кузнец поинтересовался: — Ну, как идут дела?

— Все хорошо, отец. Трудное железо, куется непросто, но я все равно одолею его.

Главное, я вижу — клинок уже получается.

Старик кивнул, задумался и вдруг охнул и даже всплеснул руками:

- Прости меня, дурня! Я забыл... Ох, дырявя голова! Как же я мог запамятовать-то!...
- Что ты забыл, отец?
- Колдун дал тебе травы?
- Да. Только я не знаю, зачем они. Какие-то его магические штучки, наверное... —

Ниун недоуменно посмотрел на старика.

— Вовсе нет. Надо было бросить щепотку травы в печь, когда в ней калилось твердое железо. А потом, когда ты уже начинаешь работать молотом, надо посыпать клинок смесью порошка из этой травы и порошка из угля.

— Прости меня, отец, я с большим почтением отношусь к твоему опыту и к твоим знаниям, но на сей раз тебя, похоже, подводит рассудок. Где это видано, чтобы железо посыпали каким-то порошком?

— Я не знаю, зачем это делается, но это нужно. Иначе клинок не станет таким, как ты говорил. Это точно.

Ниун не стал спорить. Он подумал лишь, что, к сожалению, старость есть старость и что старческие причуды не должны мешать делу.

Утром, опять чуть свет, он отправился в кузницу, приказав Маев не мешать ему и даже не носить еду и не звать к обеду. Ему хотелось поскорее закончить работу.

Работа спорилась, и раздумья о словах старика про порошок, мучившие Ниуна, вскоре забылись. Он думал теперь только о том, какой необычный клинок у него получается. К вечеру, однако, меч не был готов. И к следующему вечеру тоже. Прошла неделя, началась другая. И только к ее концу Ниун приступил к закалке. Накануне он попросил охотника из их селения убить для него вепря, и тот выполнил просьбу.

Что может быть лучше для закалки хорошего клинка, чем туша огромного жирного кабана? Воткнув в нее меч поглубже, Ниун облегченно вздохнул и пошел домой. Теперь можно немного и отдохнуть.

— Закончил? — поинтересовался старик.

Ниун важно кивнул.

— А как закалять будешь?

— Как всегда. В туще вепря.

— Напрасно ты не стал меня слушать, даже не дав договорить. Иранистанские клинки закаливают на ветру. Садятся верхом на коня и долго-долго скачут, пока клинок окончательно не остынет. Только вольный ветер может дать ему гибкость и прочность.

— В Иранистане, может, и скачут туда-обратно. А в Киммерии отродясь лошадей не было.

— Значит, надо взять меч в руку и бежать с ним, пока ноги несут. А упадешь от усталости, как хочешь, но снова вставай и беги. Иначе все твои труды напрасны,

— Ладно, отец, я устал. Твою сказку я дослушаю как-нибудь в другой раз. А завтра пойдешь со мной в кузницу и посмотришь, что у меня получилось.

На сей раз утром Ниун никуда не спешил. Он поздно встал, сходил на речку умыться, долго и с удовольствием завтракал, словно старался оттянуть тот миг, когда покажет старику необыкновенный меч и увидит изумление и восторг на лице своего учителя. Он хотел сполна насладиться своей победой. Он так тянул время, что даже Маев спросила:

— Ты разве не пойдешь сегодня в кузницу?

Ниун строго взглянул на жену, нахмурился, как будто хотел сказать ей что-то резкое, но потом передумал и встал с лавки.

— Пойдем, отец, — обратился он к старику. — Пора посмотреть, что там получилось.

Они вышли из дома, и Ниун решительно зашагал к кузнице. Однако на пороге он почему-то остановился:

— Отец, лучше будет, если ты сам вынешь клинок из туши. Это ведь ты учили меня, как его сделать.

— Учить-то учили, да не доучил, — вздохнул старик.

Он приблизился к туще и осторожно потянул за торчавшую из нее рукоять. Плавно выскользнувший клинок оказался на удивление легким. Когда они обтерли лезвие, на нем явно проступил странный волнистый рисунок.

— Вот видишь, все как говорил Покрав, — радостно улыбнулся Ниун, и из его груди вырвался вздох облегчения.

Старый кузнец оглядел клинок и покачал головой. Ему что-то не нравилось, но говорить об этом он ничего не стал, а только предложил Ниуну:

— Согни его. Колдун говорил, что клинок должен сгибаться в кольцо.

— Запросто! — воскликнул Ниун.

Он взял меч из рук старика и почти без усилий согнул тонкое лезвие. Оно легко поддалось, но так и осталось согнутым. На лице Ниуна отразилось отчаяние.

— Как же так, отец?

— Ты ведь не хотел меня слушать, сынок. Ну да ладно, не печалься. У тебя еще осталось железо, которое дал тебе колдун?

— Осталось.

— Его хватит еще на один меч?

— Да, вполне.

— Тогда тебе придется выслушать меня. На сей раз внимательно.

Старик говорил долго-долго, подробно объясняя своему нерадивому ученику, где и как тот ошибся. Ниун слушал, то бледнея, то заливаясь густой краской, то постанывая сквозь зубы.

Оказывается, он был не прав с самого начала. Солнце-то над пустыней не золотое, а белое, и пурпур — это вовсе не ярко-красный, а совсем другой цвет. Почему он был таким самоуверенным? И металл испортил, и старика обидел.

— Прости меня, отец. Прости, что я мог усомниться в тебе. Теперь я всегда и во всем буду слушаться тебя. Только помоги мне сделать этот проклятый клинок!

— Отчего же не помочь? — согласился старик. — Да не убивайся ты так! Кто из нас не ошибается? Лишь тот, кто сидит сложа руки. Умные люди на своих ошибках учатся. А чтобы ты больше никогда не обижал стариков, запомни правильные слова: как в отборной крупе нет сора, так в словах старика нет лжи. Не знаю, кто сказал это, но мудрый был человек.

— Давай сегодня же и начнем.

— Нет. Ты много работал, устал. Отдохнуть тебе надо хотя бы денек. Нельзя начинать большое дело насспех. Ко всему серьезный подход нужен. Вот завтра с утра поднимемся пораньше и приступим.

Глава седьмая

С утра в кузнице снова закипела работа. Только теперь возле Ниуна стоял старый его учитель и внимательно следил за тем, чтобы тот выполнял все точно и правильно. Сначала они раскалили твердое железо добела, не забыв бросить в печь горсть травы из мешочка колдуна.

Она мгновенно вспыхнула и исчезла, словно ее и не было. Ниун недоуменно пожал плечами, но возражать не стал: раз надо, значит, надо. Затем он изготовил тонкий прут и удовлетворенно кивнул, почувствовав, что на сей раз металл более податлив и послушен. Сделав второй прут, уже из мягкого железа, Ниун сначала нагрел оба стержня, а уж потом перевил их.

Когда под молотом начала образовываться широкая лента, стариk придинул Ниуну плошку с порошком, сделанным из угля и травы. Ниун посыпал ленту тонкий ровным слоем порошка, сложил ее пополам и снова застучал по ней молотом.

Почти месяц он грел металлическую ленту, ковал ее, пересыпал порошком, складывал и вновь ковал. Ему уже начало казаться, что это никогда не кончится, как вдруг стариk остановил его, щуря подслеповатые глаза, осмотрел

— Завтра ты проделаешь все это еще раз, потом насадишь клинок на рукоять и побежишь с ним. Только запомни: бежать надо по открытому месту, чтобы ветер все время обдувал лезвие. Остановишься только тогда, когда клинок совсем остынет. И да укрепит Кром твои руки, потому что, если уронишь меч на землю, считай — зря трудился. А сейчас заканчивай работу. Завтра тебе понадобится много сил. Иди домой, поешь как следует, выспись. Если дашь слабину — погубишь свой труд.

И вот наступил этот решающий день. Казалось, все Светлые Боги улыбались Ниуну: небо закрыли легкие облака, солнце было нежарким и ласковым, дул легкий приятный ветерок.

Ниун обмотал бедра полоской ткани, чтобы лишняя одежда не мешала ему бежать, надел на ноги сапоги из мягкой кожи и, подняв над головой меч, словно бросая вызов небу, бросился бежать прочь от деревни. Сначала ему было легко и радостно: осталось совсем немного, и он узнает судьбу своего еще не родившегося сына.

Он бежал и думал о Маев, живот которой уже заметно округлился и иногда ходил ходуном, когда беспокойный малыш стучал в него сильной пятой, о милом розовощеком мальчишке, которого он скоро возьмет на руки, о старике и его большом добром сердце, которое так легко простило обиду, и даже о колдуне, казавшемся сейчас Ниуну милым и симпатичным.

Однако постепенно почти невесомый клинок становился все тяжелее и тяжелее, рука онемела и уже не чувствовала рукояти, лежавшей в ладони, дыхание становилось все отрывистее. Ниун переложил меч в другую руку. Стало немного легче, но теперь он ощутил, что ноги перестают слушаться его, а земля, по которой он бежал, словно нарочно, начала подсовывать ему под ноги то кочки, то корни, то камушки. Он споткнулся один раз, другой, третий и вдруг понял, что не может удержать равновесия и падает. Самым невероятным образом он умудрился перевернуться в воздухе, и, когда все же шлепнулся на землю, меч по-прежнему оставался устремленным в небо.

Ниун лежал на спине, покачивая клинком над головой, и вдруг подумал, что, если не

поднимется сейчас же, не поднимется уже никогда. «Дашь слабину — погубишь свой труд», — вспомнились ему слова старика, и он, собрав все свои силы, встал и побежал дальше.

Глаза начал застилать туман, грудь не принимала, а выталкивала воздух, колени дрожали, рук словно и вовсе не было, а Ниун все бежал и бежал. Наконец он остановился и совершенно без сил опустился на траву. Дрожащей рукой он провел по клинку, и из пересохшего горла вырвался полуухрип-полурык: лезвие остыло. Ниун еще долго сидел, глядя вдаль, на горные вершины, и говорил с Кроном, нисколько не сомневаясь, что грозный бог слышит его.

«Кром всемогущий!

Я сделал этот клинок для тебя. Колдун сказал мне, что ты будешь говорить с ним только через меч. Посмотри, еще ни один твой сын не приносил тебе такого подарка. Будь милостлив к моему сыну. Не призывай его к себе раньше времени».

Солнце уже склонялось к горизонту, когда кузнец поднялся на ноги и побрел домой. В голове его не было никаких мыслей, а в душе — ни следа радости. Он чувствовал сейчас только одно — безмерную усталость. Ему казалось, что он никогда не дойдет до своего дома, что, закаляя клинок, убежал на край света и забыл дорогу назад. Но он шел и шел, пока впереди не замаячили крыши домов, а возле одного из них не показалась маленькая женская фигурка, которая заспешила ему навстречу.

Войдя в дом, Ниун рухнул на укрытое шкурами ложе вниз лицом. Он не слышал, как разговаривали Маев с отцом, как хлопотала жена, укрывая его одеялом, не чувствовал, как тонкие, но сильные руки разжали его онемевшие пальцы и вынули из них узкий клинок, покрытый волнистым узором. Он спал.

Первым, что увидел Ниун, когда наконец открыл глаза, было встревоженное лицо Маев.

— Слава Богам, ты проснулся, — облегченно вздохнула жена.

— А почему это тебя так беспокоит? — удивился Ниун. — Я просыпалось каждое утро, и ничего особенного в этом нет.

— Если бы каждое... Ты спал два дня. Мы с отцом уже начали думать, что пора обращаться к кому-нибудь за помощью.

— Что ты, милая! — воскликнул Ниун, вставая и потягиваясь. — Я никогда еще не чувствовал себя таким бодрым и сильным. А уж проголодался так, что могу съесть медведя, зажаренного прямо в шкуре.

Маев быстро накрыла на стол, словно давно готовилась к празднику. Чего там только не было! И запеканка из рыбьей икры, и прозрачная, остро пахнувшая уха, и пироги с грибами, и душистая ячменная каша. Ниун ел не торопясь, с наслаждением ощущая, как тело, вымоченное долгой и изнурительной работой, медленно наливается силой. Жена молча смотрела на него, ласково улыбалась, но ни о чем не спрашивала, ожидая, когда он сам заговорит. Наконец, насытившись, Ниун сладко потянулся и сказал:

— Ты видела клинок?

— Да, — живо отозвалась Маев. — Но я не очень разбираюсь в оружии. Это то, о чем говорил колдун?

— То. Я все-таки справился с ним.

— Значит, мы можем идти? Посмотри, — проговорила Маев, кладя руку на живот, который вдруг зашевелился, словно еще не родившийся ребенок тоже хотел на что-то посмотреть. Маев засмеялась и повторила: — Посмотри. Ему тоже не терпится узнать, что

его ожидает.

Ниун положил свою широкую ладонь на маленькую ладошку жены, потом погладил ее по животу и почувствовал, как крохотная пяточка стукнула в его руку. Это необычное ощущение залило душу кузнеца радостью. Он тоже заулыбался:

— Разве можно отказать, когда тебя о чем-то просят и еще так замечательно топают ножкой? Собирайся, жена. Завтра с утра и отправимся.

Едва рассвело, как они уже вошли в лес и ступили на тропинку, ведущую к жилищу Покрана. На левом плече кузнеца висел дорожный мешок со взятыми с собой припасами, а в правой руке он нес клинок, аккуратно завернутый в самую лучшую ткань, которую только смогла изготовить Маев.

Старый колдун сидел возле дома и грелся на солнышке, прикрыв глаза. По сморщенному лицу блуждала довольная улыбка, но стоило путникам приблизиться, как Покран тут же нахмурился и недовольно буркнул:

— Ну что ты на сей раз притащил? Опять какую-нибудь дрянь свалил кое-как?

— А ты посмотри. Если и этот клинок тебя не устроит, то и не знаю, что тебе еще надо, — обиделся кузнец.

— Ладно, ладно, не ворчи. Вот доживешь до моих лет, тогда а начнешь огрызаться на всех. А пока мог бы и помолчать. Разболтался, как баба. Показывай свой меч.

Ниун протянул колдуна клинок, но тот лишь покачал головой:

— Я уже давно не могу держать в руках оружие. Нет у меня сил. — Потом, словно решив, что чересчур ласково разговаривает с Ниуном, добавил: — Мог бы и сам сообразить, если бы у тебя вместо треснувшей кадушки на плечах была голова.

Кузнец положил на землю дорожный мешок, бережно развернул ткань, и тонкое серебристое лезвие заиграло в солнечных лучах. Покран внимательно посмотрел на него и пробормотал:

— Ну что ж, похоже, очень похоже. Согни-ка его.

Ниун вздрогнул, вспомнив, как испортил первый меч, но все же взял клинок одной рукой за рукоять, а второй за острие и медленно согнул лезвие в ровное кольцо. Затем быстро отпустил острие. С тихим мелодичным звоном клинок выпрямился. Покран удовлетворенно кивнул, выдернул у себя толстый седой волос и приказал

— Поверни меч ребром.

Ниун подчинился, а Покран бросил на лезвие волос. Едва тот коснулся металла, как мгновенно развалился на две половины. Колдун еще раз кивнул и распорядился:

— Войди в дом. На стене, где висит оружие, есть старый и тупой меч, ни на что не годный. Единственная его ценность в том, что он сделан из очень прочного железа. Ты его сразу узнаешь. Возьми его и принеси сюда.

Когда кузнец вернулся с видавшим виды тяжеленным мечом, Покран показал рукой на стоявший неподалеку широкий пень:

— Положи его туда. Хорошо. Теперь возьми свой клинок и изо всех сил ударь по этому хламу.

— Ты что, стариk, спятил? — возмутился Ниун, забыв, что давал себе слово быть вежливым с колдуном. — Я положил на него столько трудов, а ты предлагаешь мне тут же сломать его? Или в этом и состоит твое предсказание?

— Не разевай рот, когда тебя не спрашивают, — огрызнулся стариk и, покачав головой, добавил: — Я бы запретил киммерийским мужчинам жениться. Пожив бок о бок с

бабой, они сами становятся хуже баб. У тебя язык работает быстрее, чем мозги. — Он топнул ногой, — Делай, что тебе говорят, и заткнись!

Ниун понял, что спорить со старым грубияном бесполезно, и, зажмурившись, изо всех сил ударил своим изящным клинком по старому толстому мечу, лезвие которого было не тоньше его указательного пальца. Он ожидал, что сейчас в его руке останется лишь рукоять, но этого не произошло.

Сделанный им меч развалил стариное оружие пополам так легко, словно оно было изготовлено из мягкого дерева. Кузнец открыл глаза и с изумлением уставился на невиданное чудо, потом взглянул на колдуна. Но тот, похоже, нисколько не удивился, а лишь снова удовлетворенно кивнул.

— Ну что ж, как это ни странно, но ты все-таки сделал его. Пора и мне выполнить свое обещание. Заходи в дом. И бабу зови. Как ни жаль, но она нам нужна. Без нее предсказания не будет.

Они вошли в жилище Покрала, и колдун указал сухим пальцем с толстым желтым ногтем на лавку:

— Садитесь рядом. Ты, — обратился он к кузнецу, — держи меч на вытянутых руках. А ты, — бросил он Маев сквозь зубы, — дай сюда руку. Оружие всегда требует крови. Чтобы узнать судьбу ребенка, нужна его кровь. Но он еще не родился, а ты с ним — одно целое. Так что придется тебе потерпеть немного и пожертвовать свою драгоценную кровушку.

Маев побледнела, а колдун тоненько захихикал:

— Да не трясишь ты, дура. Мне же не вся твоя кровь нужна. И не сейчас. Сначала я приготовлю кое-какую смесь. А вы сидите тихо. Чтоб ни одного слова я от вас не слышал. Помешаете мне — пеняйте на себя. Ничего не выйдет.

Ниун с Маев замерли, боясь даже дышать, а Покран, повернувшись к столу, словно забыл о них. Он долго перебирал мешочки с травами, нюхал их, щупал пальцами, то качал головой, то кивал, пока наконец не отложил в сторону несколько мешочеков. Затем он принялся за сосуды с жидкостями.

Он брал их трясущимися непослушными руками, подносил к глазам, откупоривал, опять же нюхал, и в конце концов поставил рядом с мешочками несколько тщательно выбранных емкостей. После этого старик загремел плошками, пока не нашел среди них ту, что была ему нужна. Ее покрывал толстый слой грязи. Покран повернул голову к Маев и приказал:

— Пойди вымой. Расселась тут, как в гостях. Да смотри, чтоб ни пылинки не осталось.

Когда Маев вернулась с отмытой плошкой, старик распорядился:

— Поставь на стол и садись на лавку. Жди.

Покран взял в руки плошку, придирично осмотрел ее, протер рукавом и поставил на стол. Затем он развязал мешочки с травой, взял из каждого по щепотке, растер траву в ладонях, чтобы получился порошок, и высypал его в приготовленную посуду, после чего старательно завязал мешочки и убрал их на место, то есть просто отставил в сторону.

Окинув взглядом содеянное, он что-то пробормотал себе под нос и направился к стене с книгами. Перед ней он стоял долго, водя пальцем по переплетам, но все-таки выбрал две книги и вернулся с ними к столу. Пролистав обе, он оставил их открытыми, видимо, на нужных страницах, после чего приступил к жидкостям.

Откупорив первый сосуд, Покран быстро проговорил заклинание на не известном ни Ниуну, ни Маев языке, поглядывая в книгу, и вылил из сосуда три капли в порошок.

Тот зашипел, и над плошкой поднялась тоненькая струйка ароматного дыма. Старик закашлялся, закупорил сосуд и взял следующий. Опять прочитав заклинание, уже из второй книги, Покран полил жидкостью смесь в плошке. Ничего не произошло, и Ниун забеспокоился, но, похоже, колдуна это вполне устраивало.

Он еще довольно долго листал книги, читал какие-то заклинания, все добавлял и добавлял по капле разные жидкости, пока плошка не заполнилась почти доверху. Затем колдун взял тонкую деревянную палочку и тщательно перемешал буро-зеленую смесь. Наконец он обернулся к Ниуну:

— Держи клинок крепко. Сейчас начнем.

Он подошел к лавке, на которой сидели напряженные от мучительного ожидания гости, и начал осторожно выливать смесь на клинок. По лезвию побежали блики. Покран все той же деревянной палочкой размазал смесь по лезвию, чтобы она лежала равномерно. Ниуну показалось, что меч стал теплым. Было так на самом деле или нет, он не знал. Старик запел хриплым сывающимся голосом. Когда он замолчал, клинок был чистым, словно кто-то его старательно вытер. После этого, довольно улыбнувшись, колдун обратился к Маев:

— Давай сюда руку. Будем кровь пускать.

Покран снял со стены тонкий острый кинжал и хищно усмехнулся. Затем, поморшившись, взял руку женщины и провел по ней длинную линию, на которой тут же выступила кровь. Колдун поводил по крови плоской стороной кинжала, пока лезвие не окрасилось целиком, и подошел к мечу, который держал Ниун.

Снова зазвучали слова заклинания, и старик начал медленно водить окровавленным кинжалом по клинку. Лезвие подернулось дымкой, и колдун отбросил кинжал в сторону.

— Можете смотреть, — сказал он. — Только все равно ничего не поймете, Я потом объясню.

Ниун и Маев начали вглядываться в туманные картины, которые вдруг поплыли по мечу. Там были битвы, страшные, кровопролитные, после которых вдруг явно пропал ошейник раба. Его сменила оскаленная волчья морда. Она быстро исчезла, и вдруг на клинке засияли драгоценные камни. Потом было море, корабли, женщины, опять битвы, очень много битв, какие-то чудовища, снова море. Затем на лезвии вспыхнуло изображение царского венца. Оно подержалось немного и погасло. Больше клинок не показал ничего.

Старик осторожно подставил руки под лезвие и слегка коснулся его. Оно осыпалось в сухие ладони горсткой пепла. Ниун вздрогнул и вопросительно посмотрел на колдуна.

— Вот видишь, неразумный? — усмехнулся Покран. — Даже такое необыкновенное лезвие не выдержало столь сильного колдовства, а ты хотел подсунуть мне никчемную железку. Она бы развалилась от одной смеси.

Кузнец шумно сглотнул и проговорил вдруг севшим голосом:

— Отец, я ничего не понял из увиденного.

— Немудрено. Я ведь говорил, что у тебя ума не больше, чем у бабы.

— Ты обещал объяснить.

Покран отнес пепел к столу, высыпал его в плошку и заговорил:

— Не знаю, понравятся ли тебе мои слова, а впрочем, это и не важно. Не в наших силах изменить судьбу, предначертанную Богами, а особенно Кромом — суровым и неумолимым. Твой сын будет необыкновенным человеком. Он не станет продолжать твое дело. Ты последний кузнец в роду. Он будет воином. Великим воином. Но не сразу. Ему придется пройти и неволю, и скитания. Он познает беды и лишения, но и побед одержит немало. Твой

сын выступит против демонов и одолеет их. Твой сын осмелится противостоять Богам и останется жив. Он не будет созидать, как ты.

Его стезя — разрушение. Его стихия — кровавые битвы. Ему придется долго искать свой единственно верный путь, но в конце концов он отыщет его. И только выдержав все испытания, он поднимется на вершину. В конце жизненного пути его ожидает трон великой державы. Таково его предназначение — подняться с самого низа на самый верх, сменить ошейник раба на царский венец.

— Раба? — встрепенулся Ниун. — Ты сказал... Раба?

— Ему придется испытать и это. Но недолго. Страсть к свободе, воля к победе — эти качества будут у него главными.

Великая судьба. Сейчас я могу сказать тебе. У меня было видение, что в мир придет великий воин, который сумеет одолеть Силы Зла. Я долго ждал его. Я не мог отправиться на Серые Равнины, пока не узнаю, что появился на свет человек, который будет защищать людей, который встанет с оружием на сторону Добра. Теперь я спокоен. Этот человек — твой сын.

— Послушай, отец...

— Все. Я устал. Больше мне нечего сказать, Уходите.

Маев молча коснулась руки мужа, они поднялись с лавки и медленно направились к выходу. На пороге Ниун обернулся:

— Спасибо тебе, отец.

Покрал лишь кивнул в ответ и указал пальцем на дверь.

Ниун и Маев не спеша возвращались домой. Они не разговаривали, ибо слишком сильным было потрясение от всего услышанного и увиденного ими. Маев, прислушиваясь, как ворочается в утробе ее сын, размышляла о том, что, пожалуй, ей понравилось предсказание. Конечно, ошейник раба — это ужасно.

Любой киммериец согласился бы лучше умереть, чем стать рабом. Но стариk сказал, что это ненадолго, что стремление к свободе у их сына будет столь велико, что он скинет оковы. Зато он станет королем. Королем? Даже страшно подумать, что ее сын, внук деревенского кузнеца, взойдет на трон. А ее, Маев, внуки будут принцами. Это не укладывалось в ее голове, и она не выдержала и нарушила молчание:

— Представляешь, Ниун, он будет королем!

— Эка невидалъ — король, — огрызнулся ее муж. — По мне, так уж пусть бы лучше он стал кузнецом.